

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ РОДИНЫ

ЛЕОНИД АСАНОВ

ЧЕСМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО МЛТБН 1989

ПОХОД РУССКОГО ФЛОТА 1769-1770 ГОДОВ

ЛЕОНИД
АСАНОВ

ЧЭСМА

Записки лейтенанта
русского флота
Дмитрия Сергеевича
Ильина

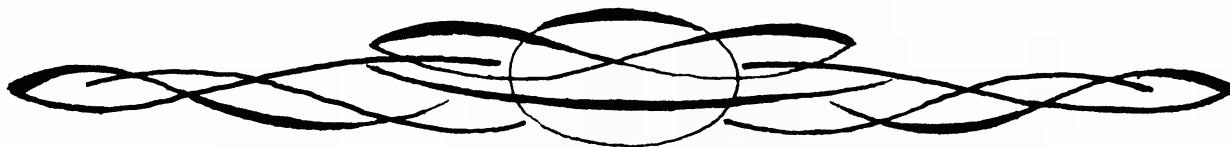
ХУДОЖНИК С. БОРДЮГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА
1989

Имя Дмитрия Сергеевича Ильина (1738—1803) навечно вписано в историю русского флота. Он совершил беспримерный подвиг во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов. В ночь на 26 июня 1770 года в разгар морского сражения в Чесмёнской бухте он, рискуя жизнью, подошёл на зажигательном судне-брандере к вражескому кораблю и поджёг его. Пожар перекинулся на другие суда, и к утру весь турецкий флот был уничтожен. Ильин за этот бой был награждён орденом и произведён в звание капитан-лейтенанта.

Эта книга написана от его имени.

Потомок мой!

Двадцать пять лет я не видел моря. Выйдя в отставку в 1777 году, женился я на младшей дочери соседей наших, старинных друзей моих родителей. С тех пор живём мы безвыездно в своей небогатой усадьбе в полуверсте от богом забытой деревеньки Забужье на Новгородчине. Только на старинных гравюрах да на картах, сохранившихся с лет моей службы во флоте, можно увидеть здесь моря и океаны, дальние крепости, гордые очертания линейных кораблей. Да ещё во сне иногда слышится мне грохот океанских валов, свист ветра в снастях и раскаты выстрелов корабельных орудий...

Двух дочерей родила мне жена. А как же мне хотелось сына! Сына, чтобы рассказать ему о плаваниях и сражениях минувших дней, чтобы воспитать в нём доблесть, отвагу и преданность Отечеству, чтобы, как вырастет, направить его на флот, дабы продолжил он дело отца своего — дело служения России. Годы мои уже немалые, и, как знать, доведётся ли мне увидеть въяве наследника своего мужеска полу — будь то внук или правнук. Но хотел бы я передать ему рассказ свой о деле великом, небывалом, в каком довелось мне участвовать много лет тому назад — о славном Чесменском сражении, о победе, одержанной нами 26 июня 1770 года в далёком Эгейском море.

И вот, уединясь в светёлке, положил я пред собою лист бумаги, развёл чернила и очинил гусиное перо.

Но прежде, чем начну, сделаю одно предупреждение. Не раз доводилось мне рассказывать эту историю: и в столичном Санкт-Петербурге, и в гостях у помещиков-соседей, и у себя дома. И давно уже я заметил: едва лишь зазвучат слова, принятые в морском обиходе — в́анты¹, стёньги², шпринг³, — у слушателей

¹ В́анты — толстые смолёные верёвки, держащие мачту с бортов.

² Стёньга — продолжение верхнего конца судовой мачты.

³ Шпринг — якорь, расположенный на корме судна.

ПЁТР ПЕРВЫЙ-ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОГО ФЛОТА

моих вытягиваются лица, глаза становятся сонными и унылыми. А как же непросто обойтись без этих слов! Как не сказать, что ежели б в Хиосском проливе мы корабли свои поставили на шпринг, то большой урон неприятелю бы учинили? Как не упомянуть, что в знаменитую ту ночь ветер дул с норда¹.

Но и в этот раз, приступая к изложению моей истории, я постараюсь обойтись без тех слов, какие во всём нашем уезде, быть может, я один только и знаю. Ты же, потомок мой неизвестный, внук мой, правнук или праправнук, если последуешь моему завету и пойдёшь в морскую службу, науку корабельную постигнув, сам уразумеешь всё то, чего я не досказал.

Как оказались мы в тех далёких водах? В 1768 году, в царствование императрицы Екатерины II, разразилась война России с Турцией. Блистательная Порта (так называлась Турецкая империя) была в те времена одним из сильнейших государств мира. Однако Россия готовилась дать неприятелю достойный отпор не только на суше, но и на море. Решено было направить в Средиземное море российский флот, чтобы нежданно-негаданно ударить по врагу с юга.

Сейчас, четверть века спустя, даже подумать странно, что в те годы у нас не было ни одного порта, ни одного корабля на Чёрном и Азовском морях. Флот российский, основанный государем Петром Великим, весь находился на Балтике. Немало побед одержали русские моряки во время долгих войн за Балтийское побережье. Были в российском флоте и отважные офицеры, и опытные штурманы, были и адмиралы, поседевшие на морской службе. Но всё-таки секретная экспедиция, которую предстояло совершить теперь русской эскадре, казалась делом неслыханным. Кораблям следовало миновать Балтику, проливы, Немецкое море и, обогнув почти всю Европу, войти в море Средиземное, а там вступить в сражение с турецким флотом. Судьба экспедиции вызвала понятную тревогу: как знать, дойдут ли корабли? А если дойдут, сохранится ли их боевая сила, не станут ли они лёгкой добычей турецкого флота, который в тех водах чувствовал себя как дома?

Есть стародавняя история о том, как древний скифский мудрец по имени Анахарсис отправился на корабле из Скифии в Грецию. И спросил его во время плавания некий матрос:

¹ Норд — север.

— Скажи, мудрец, велико ли расстояние между жизнью и смертью?

— Ответь мне сначала, какой толщины борта твоего корабля? — спросил Анахарсис.

— Три пальца.

— Вот тебе и ответ на твой вопрос, — сказал мудрец.

Много веков прошло с того плавания, но и поныне расстояние между жизнью и смертью для нас, моряков, меряется толщиной корабельного борта.

Это теперь у новых кораблей днища зачастую обиты листами меди, чтоб не так сильно обрастали они ракушками и водорослями, чтобы не протекала вода в щели. А во времена нашего плаванья только конопатка да смола служили преградой для волн океана.

Среди всех созданий рук человеческих парусный военный корабль, быть может, самое сложное. Что рассказать тебе о нём?

Корпус корабля покрыт снаружи обшивкой из плотно пригнанных досок. Внутри него, подобно этажам в доме, расположе-

но несколько палуб. Там хранится припас: и еда, и вода, и парусина, порох, ядра — всё, необходимое для жизни, для плавания, для войны.

На палубах спят и матросы, а их на большом корабле более полутысячи, иначе не справиться с огромными парусами.

По бортам расположены пушки, их на кораблях по шестьдесят и больше. Установлены они на лафетах, а лафеты прикованы цепями к бортам, иначе во время качки или при отдаче после выстрела орудие может сорваться с места и наделать немало бед. Бьют наши пушки шагов на сто — сто пятьдесят. (Хотя ты понимаешь, конечно, что по морю никто не шагает и моряки меряют расстояние другими мерами.) Но чтоб нанести врагу наибольший урон, суда в бою сходятся на расстояние в пятьдесят — шестьдесят шагов. Страшен бывает тогда удар бортовой артиллерии!

Высоко в небо уходят корабельные мачты из лучших, отборных сосен. Поперечины — реи поднимают вверх пеньковые просмоленные снасти, на них натягивает ветер громадные белые полотнища парусов. «Трэк! Трэк!» — раздаётся дружный выкрик матросов, когда они натягивают снасти или убирают паруса. И боцманы тоже тут как тут, в руках линьки — короткие верёвки с узлом на конце. Эти

не зевают, чуть кто приотстал — хлестнут линьком вдоль спины, матрос и не охнет. Дело суровое, море шуток не любит. «Не дотянешь — бьют и перетянешь — бьют», — так говорят про свою службу матросы.

Построены были наши корабли на верфях Архангельска и Санкт-Петербурга. Для похода выбрали суда попрочнее, поновее, но всё же днища их были уже попорчены морскою водой. А к тому же было известно, что в тёплых водах морские черви-древоточцы быстро изгрызают дерево. Как быть?

Решили подвергнуть суда килеванию. Сначала снимали на берег всё, что было на них. Потом на мелком месте, возле причала, при помощи мощных вóротов, толстых канатов судно накрেনяли так, что становился виден киль — продольное ребро, идущее по самому низу корабля от носа к корме. Дело это, как ты понимаешь, трудное, требует расчёта и смекалки, но русские мастера с ним справились. Днища кораблей основательно почистили, покрыли просмолённым войлоком и обшили ещё одним слоем досок. Теперь корабли были готовы к дальнему походу.

Эскадра вышла из Кронштадта 18 июля 1769 года. Провожали нас с великими торжествами. Сама государыня императрица посетила эскадру. Под гром музыки, под залпы салюта корабли поднимали паруса и выходили в открытое море.

Впереди лежал далёкий, неведомый путь. Мало кто из нас прошёл прежде под парусами хотя бы его половину, и, скажу тебе прямо, мало кто надеялся возвратиться домой. Но Родина послала нас, и мы были готовы исполнить свой долг.

Вели корабли опытные мореходы флота российского. Одни из них — природные русские, как, к примеру, адмирал наш, Григорий Андреевич Спиридов. Другие — разных народов сыны, но в русской службе честно отличались, как капитан-командор, а впоследствии адмирал Грейг Самойла Карлович, знатный флотоводец, как товарищи мои по оружию капитан-лейтенант Дугдаль и лейтенант Мекензи. И других было немало, коих следовало бы помянуть добрым словом.

Я же был в том походе в чине лейтенанта, командовал артиллерией бомбардирского судна «Гром».

Эскадра двигалась медленно. Корабли были перегружены — ведь мы везли с собой небывалое количество припасов, десантный отряд из двух с половиной тысяч человек и даже разобран-

ные на части три полугалеры, которые потом собрали уже в южных водах. Корабли то и дело ломали строй, отставали друг от друга, терялись в тумане.

Нелегко приходилось даже бывалым матросам. Но сколь же тяжелее было десантному отряду, который мы везли с собой! Многие ведь прежде моря и в глаза не видывали: прямо от крестьянской работы попали под рекрутский набор.

Да, это был трудный, изнурительный поход. Среди людей начались болезни. Случалось, команда слабела настолько, что едва хватало рук поднять паруса или выполнить простой манёвр. Но, ведомые приказом, мы шли и шли вперёд... Как сейчас вижу невысокого стройного человека моих лет со смуглым лицом и вьющимися волосами. Это был Иван Абрамович Ганнибал, начальник артиллерии всей эскадры, сын знаменитого Абрама Ганнибала, крестник Петра Великого, бесстрашный и многознающий морской офицер. Стойкость его и мужество в те трудные дни служили всем нам примером.

После многих недель пути мы добрались до Англии, где корабли должны были чиниться, а нам следовало пополнить запасы. Хитрые англичане старались за всё содрать с нас втридорога. Здесь нам пришлось бросить на произвол судьбы самый старый, изношенный корабль, чтобы восполнить нехватку в экипажах.

Атлантика встретила эскадру штормами. Затем нас ещё изрядно потрепало в Бискайе: немногим русским морякам были тогда ведомы коварные волны этого залива.

Прошло долгих четыре месяца со дня отплытия, когда, наконец, показался мыс Гибралтар, а за ним — долгожданное Средиземное море.

Могло показаться, что, доплыв в эти тёплые воды, мы уже совершили главный подвиг. Не тут-то было! Теперь предстояло искать врага и, обнаружив, драться! С таким намерением мы двинулись вперёд, к берегам покорённой турками Греции.

Надо здесь сказать, что земли такой благодатной никогда я прежде не видывал. Места там плодородные и собою прекрасные, деревни обыкновенно каменные, при домах сады. Во многих местах видели мы знатные развалины и иные древности: гробницы мраморные, колонны, стены, сложенные из немалой величины камней.

Греки, местные жители, встречали нас восторженно. Стар и млад, рыбаки, матросы, земледельцы — все спешили к нам на помощь: снабжали продовольствием, указывали места удобных

стоянок и, самое главное, доносили сведения о том, где находится и чем занят неприятель.

Но не для того, чтоб наслаждаться тамошними красотами, заплыли мы так далеко от родимых краёв! Загрохотали выстрелы, дым пороховой поплыл над ласковыми водами. Высадились десанты, пали под нашим натиском первые крепости. Греки повсюду стали поднимать восстания против угнетателей-турок.

Особенно важную победу одержал бригадир Ганнибал. 10 апреля 1770 года, после шестидневной бомбардировки, он взял сильную приморскую крепость Наварин, которая стала главной базой нашей эскадры. Были и первые столкновения с флотом турецким, но корабли лишь перебрасывались ядрами на большом расстоянии. Турки видели, что русские корабли бесстрашно атакуют их, где ни повстречают. К тому же до них доходили многократно преувеличенные слухи о нашей грозной морской силе, и потому они опасались вступать с нами в бой.

Надобно признать: военачальники наши не сразу поняли, как получить наилучшую выгоду от пребывания эскадры у греческих

берегов. Мы захватывали города и крепости, но удержать их долго не могли: турки подтягивали подкрепление, и нам приходилось отступать. Слишком близко была их столица, слишком далеко — наша... Было решено взорвать крепость Наварин и, выйдя в море, дать бой турецкому флоту.

А пока мы одерживали одну за другой эти лёгкие победы, турки собрали воедино весь свой громадный флот: шестнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов да мелких судов, гребных и парусных, более четырёхсот. Шестнадцать тысяч человек да почти полторы тысячи пушек — сила немалая! А у нас было лишь девять линейных кораблей и три фрегата. Другие же суда, вспомогательные, в генеральном сражении в расчёт не шли. А всего у нас было менее пяти с половиной тысяч человек, менее восьмисот пушек.

Взгляни на карту Средиземья. В Эгейском море, ближе к восточному берегу, находится остров Хиос, отделённый от материка широким Хиосским проливом. На старинных голландских картах, какими пользовались наши штурманы, обозначен был и остров, и пролив, и бухта, название которой, никому дотоле неведомое, навсегда вошло в историю русского флота — Чесма.

**БРИГАДИР
ИВАН ГАННИБАЛ**

АДМИРАЛ ГРИГОРИЙ СПИРИДОВ

23 июня 1770 года посланный в разведку корабль поднял сигнал: «Вижу неприятеля». Здесь, в Хиосском проливе, в боевом порядке стоял, поджидая нас, турецкий флот.

«Герои не спрашивают, сколько неприятеля; герои спрашивают: где?» — эти слова с молодых ногтей помнит каждый русский офицер. Теперь мы знали, где неприятель, но боже, сколько же его было! Никто из нас не видывал столько кораблей сразу! Здесь были и линейные корабли, и фрегаты со скошенными назад мачтами, и пакетботы — небольшие посылочные суда, и ярко раскрашенные гребные галеры, и вместительные барки, и бригантины с косыми парусами, и легкокрылые фелюки, и совсем уже мелочь — каики, катера.

Линейные корабли стояли на якорях в две линии, в шахматном порядке. Малые корабли укрывались под их защитой ближе к азиатскому берегу. На берегу был устроен военный лагерь, откуда турки в ходе боя надеялись получать подкрепление. А нам о подкреплении и думать было нечего. Рассчитывать можно было только на офицерскую выучку и сметку, на смертельный огонь пушкарей-бомбардиров, на отчаянную храбрость матросов.

На рассвете 24 июня наша эскадра выстроилась в линию и при попутном ветре двинулась на турецкий флот. Корабли шли вперёд медленно и плавно. Ветром наполнены белые паруса, натянуты снасти, всяк стоит на своём месте, и только вдоль бортов выются белёсые струйки дыма от пальников, зажжённых на пушечных палубах. Тихо-тихо. Лишь чуть поплёскивает вода под бортами да слышно, как хлопают над головой флаги. И медленно-медленно, словно из-под земли выворачиваясь, вырастают перед глазами громадины вражьих кораблей...

Но вот — грянул военный оркестр на палубе «Евстафия»! Взбодрились матросские сердца, разгорелись яростью близкого боя. Корабли наши шли, нацелившись на середину вражеской линии. Открыв огонь, они должны были поворачивать один за другим влево. Каждый выбирал себе супротивника, а дальше — как бог даст. Пушки были заряжены двойным зарядом: все знали, что бой будет не на жизнь, а на смерть.

Первым шёл корабль «Европа», под командой храброго капитана Фёдора Клокачёва. Ровно, как на параде, двигался за ним «Евстафий» с адмиралом Спиридовым на борту. Но что это? «Европа» вдруг резко уклонилась в сторону. И это перед самым боем, на виду у неприятеля! «Евстафий» проследовал мимо, не снижая хода. Адмирал Спиридов прокричал в рупор:

— Капитан Клокачёв! Поздравляю вас — матросом!

Он не знал тогда, что «Европа» сделала манёвр, обходя подводный камень. Корабль описал петлю и снова устремился в атаку.

Теперь «Евстафий» возглавлял колонну. Он двигался прямо на флагманский корабль турецкого флота — трёхпалубный гигант «Реал-Мустафа». Подпустив поближе русский флагман, турки грянули бортовым залпом. Но лишь на миг сбилась с такта громкая и ликующая музыка. Качнувшись от удара, русский корабль по-прежнему шёл вперёд. И вот, когда офицеры «Евстафия» уже ясно различали не только фигуры, но и глаза на лицах турок, раздалось долгожданное:

— Огонь!

Корабль дружно ударил всем бортом. Длинные языки пламени скользнули над водою, словно провожая полетевшие в неприятеля ядра. Чёрные клубы порохового дыма на минуту закрыли взор. Офицеры ещё показывали друг другу на проломы в бортах турецкого флагмана, а внизу, на пушечных палубах, канониры уже закладывали в пушки «картузы» — заряды пороха, затакивали ядра, подкатывали орудия к портам¹, готовясь к следующему залпу.

И грянул бой! Турецкие ядра так и сыпались на «Евстафия». С треском проламывали древесину, прорывали паруса. Лопнувшие снасти, как змеи, извивались по палубе. Но не останавливались ни на мгновение в страшной своей работе артиллеристы «Евстафия». Без передыху, без глотка воздуха в смраде и чёрном пороховом дыму заряжали они огромные пушки с клеймами оружейного завода далёкой Тулы, наводили прицелы, подносили пальник — и успевали отскочить, когда, изрыгнув ядро, пушка отпрыгивала назад, как живая, на всю длину сдерживавших её цепей...

Ветер внезапно затих, прорванные паруса обвисли. Лёгким, незаметным течением израненный «Евстафий» несло на «Реал-Мустафу». Когда стало ясно, что столкновение неминуемо, матросы бросились к оружию, схватили ружья, пистолеты, сабли. С корабля на корабль полетели на верёвках тяжёлые стальные крючья.

— Вперёд! На абордаж! — прозвучала команда, и русские матросы бросились на палубу турецкого корабля. Турки почти

¹ *Порты* — прямоугольные отверстия в бортах для пушек, расположенных на средней и нижней палубах.

не оказывали сопротивления. Объятые ужасом, они сотнями прыгали в воду, надеясь спастись на вертевшихся поблизости мелких судах. Между тем над корпусом турецкого корабля всё выше поднимался дым, из-под палубы появлялись язычки пламени — корабль горел. Огонь побежал вверх по снастям, запылала огромная мачта. В этот миг к «Евстафию» подошло наше посыльное судно, и адмирал Спиридов, подчиняясь морскому уставу, вместе со своим штабом перешёл на него с горящего корабля. Капитан «Евстафия» Круз отказался покинуть свой корабль в разгаре боя.

И тут пылавшая, как свечка, мачта турецкого флагмана переломилась пополам и рухнула на палубу «Евстафия», разбрасывая снопы искр. Судьба его решилась в одно мгновение: одна из головешек попала в пороховую камеру, раздался чудовищной силы взрыв, и русский корабль разнесло в щепки. Дождь обломков взлетел под облака, а потом осыпался на поверхность, калеча и топя тех, кто мог ещё спастись.

Со всех русских кораблей были спущены шлюпки, чтобы подобрать терпящих бедствие сотоварищей. Спасённых было немного. Около пятисот русских моряков нашли себе могилу в тех далёких водах. Среди уцелевших были Спиридов, бригадир Ганнибал. Матросы вытащили из воды потерявшего сознание капитана «Евстафия». Были спасены флаг «Евстафия» и почётный трофей — флаг «Реал-Мустафы».

Турецкий флагман пылал, как факел. Через четверть часа и он, в свой черёд, взорвался с ужасным грохотом.

Страшное зрелище это, казалось, способно было выбить дух и из русских, и из турок. Но не тут-то было! Бой теперь кипел по всей линии. «Три иерарха», «Не тронь меня», «Европа», «Саратов» и другие наши корабли громили турок прямой наводкой. То там, то здесь на палубах турецких кораблей вспыхивало пламя. И турки не выдержали. Беспорядочно стали они отступать в сторону Чесменской бухты, ища там укрытия от разящих ударов русских пушек.

Так закончился бой, продолжавшийся около двух часов.

На нашей эскадре царило оживление, — будто и не было смертельного сражения, будто и не потеряли мы боевых товарищей. Деловито плотники латали пробитые борта, боцманы доставали паруса взамен изорванных в клочья, мирно дымили кам-

бузы — корабельные кухни. Меж высоченных громад линейных кораблей скользили по притихшей воде пролива баркасы и катера, перевозившие лекарей к раненым, посыльных офицеров с донесениями, священников для отпевания погибших.

На «Трёх иерархах» держали совет командиры. Решено было: не дать противнику роздыху, запереть его в Чесменской бухте и бить до последнего из всех орудий. И также решено было пустить на него брандеры.

Про брандеры что сказать тебе, друг мой? Это небольшие суда, загруженные порохом и прочим легко воспламеняющимся грузом. Надо такое судёнышко подвести к вражескому кораблю, скрепить с ним намертво крючьями и канатами, запалить, а там — помоги бог вернуться восвояси в шлюпке! Казалось бы — простое это дело. Но беда в том, что тихоходные эти судёнышки (а быстроходный корабль никто на распыл не пустит) оказываются лёгкой мишенью для артиллерии врага, и потому слишком опасно это дело для моряков, чтобы шли они, не дрогнув сердцем, на огненную погибель.

Бригадир Ганнибал получил приказ снарядить четыре брандера, и по кораблям эскадры бросили клич — собирали добровольцев. Таких набралось немало. Был среди них и я.

День 25 июня прошёл в подготовке к решительному сражению. Ещё до его начала наше бомбардирское судно «Гром» отправилось ко входу в бухту, получив приказ стрелять издали по вражескому флоту.

«Гром» был широкий, неуклюжий корабль, наскоро перестроенный из «купца» — торгового судна. Из-за малой осадки его вдосталь покачало в штормах. Корабль был, как говорят мореходы, «туповат на паруса», то есть не скор на ходу, и в дальнем плавании мы частенько оставались позади всей эскадры.

За весь поход до Наварина нам не пришлось показать себя в жарком деле, и моряки «Грома» рвались в бой.

Гордо, как на учениях, мы шли близ высоких, обрывистых берегов. Турецкий флот расположился в бухте широким полумесяцем: лёгкие суда, гребные галеры — ближе к берегу, а впереди — линейные корабли. Они стояли в тесноте, как кому пришлось: некоторые суда носом к берегу, другие кормой. Турки не ожидали, что вскоре после жестокого боя мы найдём в себе до-

КАПИТАН-КОМАНДОР
САМУИЛ ГРЕЙГ

статочно духа, чтобы снова напасть на них.

Но на берегу дозорные не дремали, прогремел выстрел сигнальной пушки, над водной гладью к нам донеслись слова команд на чужом языке, забили барабаны, хрипло протрубили военные трубы.

Мы бросили якоря на расстоянии прицельного выстрела. Лёгким северным ветерком корабль наш развернуло бортом к неприятелю. Грянул залп, за ним другой. Команда действовала дружно и весело. Все знали — главное ещё впереди. Наше дело — не сплеховать на зачине.

Вечерний ветерок уносил клубы порохового дыма, на волнах колыхались обгорелые обломки, напоминавшие о вчерашнем бое. Солнце опустилось в море. И сразу же, как бывает в этих широтах, наступила тьма. Но вот над высокими берегами Чесменской бухты возникло бледное сияние, и поднялась полная луна. Она осветила и бухту, и силуэты гор, и замершие посреди водной глади корабли.

До полуночи оставался час, когда на мачте «Ростислава» по приказу адмирала Спиридова подняли фонарь — сигнал к атаке. Три корабля: «Европа», «Надежда благополучия», «Не тронь меня» — снялись с якорей и двинулись ко входу в бухту, где продолжал своё ратное дело наш «Гром».

Первым подошёл линейный корабль «Европа». Он бросил якорь в опасной близости от линии врага. Видно, оплошка, которую капитан Клокачёв допустил вчера на глазах всего флота, не давала ему покоя. Турки тут же перенесли огонь своих орудий на наш линейный корабль. Но на «Европе» не дрогнули.

В ночи ослепительно сияло рыжее пороховое пламя — это была без роздыху по врагу русская артиллерия. Известно стало по флоту, что за первые только полчаса боя артиллеристы «Европы» дали более ста выстрелов по врагу! Что сказать мне о боевом духе, о мужестве матросов наших и пушкарей? Нет таких слов у меня!..

И вот — зажигательное ядро, пущенное с «Европы», запылило парус на турецком линейном корабле. Пламя вспыхнуло прямо в небе, над головами матросов. Огонь обозначил нити пылающих снастей, паруса горели с треском, лоскутьями сыпались вниз. Турецкий корабль прекратил стрельбу, вся его команда боролась с огнём. К этому моменту на линию огня вышел «Ростислав». За его массивным корпусом в угольно-чёрной тени прятались, ожидая приказа, брандеры.

В ночное небо взлетели две ракеты. По этому сигналу вперёд двинулся брандер под командой капитан-лейтенанта Дугдаля, и тут же две турецкие галеры, остроносые, прогонистые, как щуки, рванулись ему наперерез. По приказу капитан-лейтенанта Дугдаля матросы бросились за борт, сам командир выстрелом из пистолета поджёг фитиль пороховой бочки. Он не рассчитал: раздался взрыв, и столб пламени вырвался из чрева брандера. Охваченный огнём, капитан-лейтенант Дугдаль бросился в воду, и матросы подняли его в шлюпку.

Конечно, турки не упустили бы случая перетопить наших моряков, как котят, да только пушечки русские дальнобойные их до того не допустили! Как грянули мы по галерам супостатов прямой наводкой — их и след простыл!

Брандер Дугдаля бесполезно пылал, освещая бухту. Стараясь держаться подальше от него, чтоб не быть обнаруженным, вперёд двинулся второй брандер, под командой лейтенанта Томаса Мекензи. Я видел, как он прошёл мимо нашего борта. Отважный шотландец стоял на корме неподвижно, будто на адмиральском катере отправлялся принимать парад. Белый морской мундир застёгнут на все пуговицы, треугольная шляпа надвинута на лоб. Да, на него можно было полюбоваться!

Брандер прибавил парусов и, оставляя пенный след, двинулся вдоль строя турецких кораблей под огнём орудий, мушкетов, длинноствольных корабельных ружей. Мекензи бесстрашно приблизился к врагу, но в пылу сражения не обдумал хладнокровно всей сути своей задачи. Ветер к тому времени изменил направление, и Мекензи повёл брандер по ветру, вправо, вдоль фронта турецких кораблей. Он не принял в расчёт, что в центре линии уже пылают два турецких корабля, подожжённые нашей артиллерией. Головешки с них летели во все стороны, и тот корабль, на который направил брандер лейтенант Мекензи, уже секли огненные стрелы, так что его зажигательное судно лишь поддало жару в разгоравшийся костёр.

То же самое, немного попозже, произошло и с брандером мичмана князя Гагарина.

Теперь был мой черёд.

В последний раз прокричав молодцам-пушкарям «Пли!», я передал «Гром» под команду бригадиру Ганнибалу и по верёвочному трапу спустился в шлюпку. Отсюда, с поверхности воды, ночной бой казался страшной волшебной сказкой. Над нашими

головами гремели выстрелы, чёрный дым порою застилал диск луны, высоко в небе пролетали со свистом ядра и пылающие головешки, отблески пламени, как огненные змеи, бежали издалика навстречу нам по ночной воде. Казалось, над нами затеяли сражение огромные летучие драконы, дыша смертоносным пламенем... Матросы дружно ударили в вёсла. От каждого гребка вода вспыхивала голубоватыми искрами — то было ночное свечение моря, обычное для этих мест. Чёрный силуэт брандера под косыми парусами стремительно вырастал на наших глазах. Команда добровольцев уже стояла на палубе. Я поднялся на судно, подал сигнал, и мы двинулись вперёд.

Стараясь держаться подальше от линии турецких кораблей, я сделал крутой поворот в левую часть бухты, куда ещё не дошли ни бой, ни пожар. Идти нам пришлось почти против ветра. Моряки знают, каково это двигаться на ветер, на незнакомом судне, да ещё с малой командой. Но матросы, которым я первым делом рассказал о своём замысле, вели себя молодцами. Все мы были как пальцы одной руки, сжатой в кулак.

Странно, но большую часть пути турки нас не обстреливали. Возможно, в лунном полумраке они приняли нас за своих. Во всяком случае, брандеру удалось пройти до самого левого фланга неприятеля. Здесь высился на глади вод гордый гигант — восьмидесятичетырёхпушечный (как узнали мы после) линейный корабль. Прямо на него направил я нос своего брандера. Нас увидели, окликнули в рупор. Мы приближались в молчании. С корабля снова донёсся требовательный окрик. В нескольких шагах от меня, широко раздвинув ноги, стоял, удерживая шкот¹, высокорослый матрос с «Грома» Семён Мордвин. Волосы его блестели в темноте, будто смазанные маслом. Рванув ворот рубахи, он зычно завопил, передразнивая турецкий клич:

— Аля-маля!

И прокричал с насмешкой:

— Эй, турка! Готовь, брат, пузыри — Русь идёт!

На турецком корабле словно бы поняли — оттуда раздались ружейные выстрелы. Пули коротко взвизгивали в темноте, с треском впивались в дерево, разбрызгивая острые щепки. Одна из пуль разбила горшок. Горшки эти с углями тут и там расставлены были по всему брандеру, чтобы в нужный момент мы бы-

¹ Шкот — пеньковая смолёная верёвка для управления парусом.

ли при огне. Но теперь рубиновые угли рассыпались по палубе, того и гляди — вспыхнет пламя вполнеба! Я смерил взглядом расстояние до турецкого корабля — вроде бы близко. Но в темноте всякое расстояние кажется короче. Что, если брандер загорится, а враг от нас ускользнёт? У меня не было права на риск.

— Убрать! — скомандовал я.

Семён сунул мне в руки смолённый шкот и кинулся к куче углей. Своими глазами я видел, как он голыми руками хватал пылавшие угли и швырял их за борт! И ни вскрика, ни стопа!

Но зато всё громче, всё оглушительнее слышался вопль с турецкого корабля, заглушая редкие беспорядочные выстрелы. Ещё бы! Турки видели, как медленно и неотвратно приближалась к ним смерть!

И вот утлый кораблик наш с треском и хрустом ударился о борт турецкого исполина. В тот момент, когда мы, с трудом удержавшись на ногах от толчка, поняли, что цель достигнута, время словно замедлилось и потекло еле-еле. Никто из нас не спешил, не торопился покинуть начинённый серой и порохом плавающий снаряд. Бойко побежал вдоль борта матрос, ударами ноги опрокидывая горшки с углями, — не Степан ли, ожёгший себе ладони? Другие кидали «кошки» — верёвки с крючьями, цепляя их за порты нижней палубы турецкого корабля. Третьи на канате подтягивали шлюпку, тащившуюся за нашей кормой. Я не командовал — командовать и не надо было, каждый делал своё дело. Раздув факел, я поджигал смолу и фитили. Огонь разгорался, слепил глаза. Наконец все матросы сгрудились на корме, пора было покидать брандер. Один за другим соскользнули мы по верёвке в лодку, в руки заботливо принимавших нас товарищей. Я зашвырнул ненужный теперь факел на палубу турецкого корабля.

— В вёсла, братцы!

Вёсла дружно опустились в воду, мы отвалили от борта. Матросы сделали десяток-другой гребков, когда я приказал сушить вёсла: мне почудилось, что прошло уже много времени, а вспышки пламени всё нет. И тут она явилась. На мгновение стало светло как днём. Борт турецкого корабля был весь охвачен огнём, пламя быстро взбегало вверх по снастям.

— Ура, Россия! — прокричали матросы.

Тысячегорлый вопль ужаса разнёсся над бухтой — казалось, все до последнего матросы турецкого флота орали, призывая на

помощь Магомета. Трещало дерево, со звоном лопались канаты, свистело яростное пламя. В отсветах огня казалось, что вода под нами обратилась в кровь.

Мои ребята-молодцы дружно махали вёслами, борт «Трёх иерархов» приближался. Оттуда раздалось зычное матросское «Ура!».

Была примерно половина второго ночи. Это был миг нашей победы.

Потомок мой! Не имею достаточных сил и способностей, чтобы описать тебе, что творилось в те минуты на турецких кораблях. А потому уступаю место писателю более меня даровитому, известному стихотворцу нашему Михайле Матвеевичу Хераскову, который в поэме своей «Чесмесский бой» рассказал о сражении вот в таких стихах (надо лишь уведомить тебя, что, как принято в поэзии наших дней, турок он именует сарацїнами — срацїнами, море же называет пóнтом):

Там бомба, на корабль упав, разорвалась,
И смерть, которая внутри у ней вилась,
Покрыта искрами, из бомбы вылетает,
Рукою корабли, другой людей хватает:
За что ни схватится, всё гибнет и горит;
Огонь небесну твердь, пучину кровь багрит;
Подъемят якоря, от смерти убегают;
Тесняся, корабли друг друга зажигают.
Вопль, шум и томный крик пронзают горизонт,
Казалось, горит кругом земля и понт,
Как будто целый мир приблизился к кончине.
Волнуется огонь и дым в морской пучине,
Пожар на небеси, в воде и на брѣгах,
Везде отчаянье, напасть, смятенье, страх;
Погибель у срацин и смерть перед очами,
Она вооружена огнѣм, косою, мечами, —
И пламень, став столпом, пучину озарил,
Срацинам гробы их во глубине открыл.

Казалось, само море было охвачено пламенем! От разлетающихся в стороны головешек загорались всё новые и новые корабли. Время от времени раздавались взрывы — это огонь добирался до порохового погреба очередного турецкого корабля.

Русские корабли прекратили огонь. Было ясно, что победа за нами, и ни к чему было множить ненужные жертвы среди неприятеля.

Когда рассвело, турецкого флота уже не было. Вся поверхность бухты была покрыта обгорелыми обломками и пеплом. Со-

блюдая все меры предосторожности, два русских корабля вошли в бухту. Среди догоравших судов они обнаружили линейные корабли, не тронутые пожаром. Русские моряки решили захватить их в качестве славных трофеев. Но когда уже взяли их на буксир, один вдруг загорелся, и потому пришлось его бросить. Другой, шестидесятипушечный линейный корабль «Родос» пополнил ряды нашей эскадры. Его переименовали в «Память Евстафия». И было решено, что с этих пор на русском флоте всегда будет корабль, носящий это славное имя в память потомству.

Турки потеряли в эту ночь весь свой военный флот и более одиннадцати тысяч человек. Наши же потери составили одиннадцать человек убитыми да некоторое количество раненых. Редки в морской истории победы столь поразительные. Доподлинно, русские моряки показали всему миру пример усердия и любви к Отечеству!

В память о битве выбита была серебряная медаль с изображением турецкого флота и краткой надписью: «Был».

Чесменская победа сделала нас безраздельными властителями на Средиземье. Ими и оставались мы до самого конца войны, долгих четыре года.

Мирный договор, заключённый между Россией и Турцией в 1774 году, возвращал России плодородные южные земли, отрывал Крым от турецкой зависимости и, что особенно порадовало нас, моряков, давал России право строить большой Черноморский флот, плавать по Чёрному и Средиземному морям. Получив это известие, мы поздравили друг друга с победным миром, и вскоре корабли наши тронулись в далёкий путь, к родным берегам.

Потомок мой! Жизнь моя клонится к закату. Но из дальних лет освещает её трепещущее пламя той далёкой победной ночи. И я счастлив тем, что довелось мне свершить дело трудное, дело нужное для милой Отчизны. Пусть имя моё покроется мраком неизвестности, лишь бы она жила и процветала.

А я из мрака ушедших лет, сквозь немоту забвения взываю к тебе: потомок мой, служи своей родине верно и беззаветно, гордись славными деяниями прадедов своих и приумножай их славу, чтоб из веков в века была наша страна изобильна, радостна и благодатна!

УНИЧТОЖЕНИЕ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В ЧЕСМЕНСКОЙ БУХТЕ 26 ИЮНЯ 1770 ГОДА

Для младшего школьного возраста

Леонид Николаевич Асанов

Ч Е С М А

Художник С. Бордюг

Редактор *Т. Васильева.*
Художественный редактор *Н. Молоканова.*
Технический редактор *Е. Соколова.*
Корректор *Н. Шадрина.*

ИБ № 2525

Сдано в набор 29.11.88. Подписано в печать 26.06.89. 60×90¹/₈.
Бум. офс. № 1. Гарнитура банник. Печать офсет. Усл. печ.
л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 4,06. Тираж 150 000 экз.
Изд. № 1707. Заказ № 2541. Цена 55 коп. Издательство «Ма-
лыш». 121352. Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР.
170040. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

А 4803010201—035 31—89
М102(03)-89

ISBN 5—213—00374—5

© Издательство «Малыш» 1989

Scan: Ershov V. G., 2007